

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

после-слов-и-е

– Ты говоришь, – «вот уже иду, выбегаю, вещи собрал в рюкзак».
Нет, что ты, не отвергаю, не отговариваю. Действительно так.
Не по мне убеждать, агитировать. Это выше возможных сил.
Это просто тот монолог, о котором меня ты просил...

Подожди, мой хороший, хоть станцию посмотри,
На таком надрыве, подъеме, который внутри
Без струны оборванной не сыграть, а пропасть –
Пропасть в наших реалиях, так это на раз-два-три.

На выдохе не считают фраз, на вдохе не меряют пульс,
А если ни первого, ни второго, тогда наступает грусть...
Когда глубоко и остро – заканчиваются слова, ты
Главное услышь меня и не бойся, не бойся прошу.
Придет тишина.

Там будет много таких как ты,
В ней будут те, кем не стать тебе, и те, за которых могли бы встать.
И даже те, у которых такая стать, что можно упасть не встать,
Но воздуха не хватает, когда вот так ты собираешь вещи в походный рюкзак.

– милый мой, у тебя сердце. у меня вот такая дыра внутри,
там голубь, когда крылья он в ней расправляет – от того так и болит.
у него абсолютно свои пути, свой расклад и размах.
я бы вырвал его, вырезал, отдал тебе или еще кому, да никак.
от него синяки и ссадины, а ты говоришь, - «давай помажем ”спасателем”»...

на ощупь

честно писать выходит от боли.
иначе слова застревают в горле.
хоть в ручке полный стержень чернил,
тетрадке везет – одно поле.

проезжаем большой водоем, открываю кран ран.
справа сидит сосед, знаю его с утра.
он звонит, говорит: «мам, никому ее не отдам,
совсем не отдам, мам.

хочешь выложу все, что внутри лежит?
посмотри там на полках зарядки,
чтобы свет изнутри и не справились все – врачи,
люди ликвидирующие в стране беспорядки.

не понимаю, чего я здесь натворил,
одно за другим сыплется, толкая с перил,
менял города, ветер в лицо ловил.
закончилось тем, что небо кто-то убил.

любой город в мой ладони
снегом казался – таял.
подыши на него немного –
вселенная помогает.

даже если небо сошлось на том,
что его вспороли,
почему одни улыбаются,
а другие хоронят?

потом не вселенной, ни эндорфинов.
даже от тех, кто казался милым.
помню их всех в лицо, самых родных на ощупь,
когда за окном темно думается дольше.

среди всех паутин,
запутанных этой ночью,
в миллионном городе нет у тебя ни точки.
время звенит, лопаются почки.

один на один с городом,
закрыв глаза, вдруг понимаешь,
осталась одна проблема –
это ты сам».

приехать и плакать

приехать и плакать у тебя на руках, нет, на твоих коленях.
уже так привык к потерям, что лучше, наверное, так не делать.
внимательно слушать тебя в сотый раз, как в первый,
фиксировать каждую деталь не держа в руках сапог.
или знаешь, было бы классно танцевать вальс,
где-нибудь на крыше портового города ночью,
чтобы плеер в уши и люди внизу с удивлением смотрели на нас.
просто быть рядом, в москве, питере, на краю ойкумены.
разве это имеет значение, когда один человек заключает
в себе все смыслы, всю суть вселенной.
тут же... достаешь мякоть из ножен, раскаленную,
как металл, размахиваешься выше тысячи солнц
с прицелом на самое-самое.
под темными сводами скал
соль разъедает глаза волшебникам, так он сказал?
не тот враг, кто предал. тот недруг, кто дал
возможность приехать и плакать
лишнюю совершенно.

реинкарнационное танго

что ты плачешь все время? есть жилье и зарплата.
пусть не всегда вовремя. платить за него надо?
ну кто здесь не платит. такие дела, брат, тут.
за ресторан-кафе-бар, билет в камбоджу или непал.
за самолет, чтобы не упал.
шагать не вперед и назад, куда устремится взгляд.
без проложенного маршрута на пересечении кривых
среди странных домов, причудливых мостовых.
не по яндексу от дома и до работы.

смотри, машина за тем углом. там негодных снимает женщина,
как сухое белье, так и нас снимут не на пленку,
не на цифру и увезут, а потом развеют.
обычно они забирают к утру, если скорая не успеет.
маме уже за 60 (не про то) дней болит локоть так,
что хочется его расколоть, грохнуть или заклеить.
опираться все тяжелее, а еще все труднее верить.

давай друг другу пообещаем. кто первый выйдет за дверь,
тот непременно расскажет о том, что снаружи.
витрины становятся чище, глубже лужи.
медленно наступает день.
кварталы полуразрушенного нами города
с каждым годом прорисовываются ясней.

асТры

у настоящей девочки дома
обязательно есть деревянный стол.
фаянсовая ваза на нём, а в ней астры.
за окном осеннее небо. она волнуется.
и совсем не хочет ждать.
(из дома напротив кого-то)
из дома напротив... кто-то
смотрит на эти астры, на свет из окна.
и повторяет «пожалуйста, будь счастлива»
– настоящая девочка гасит свет и ложится спать.

для тяжелых

В отделении для тяжелых
Воздух особенно напряженный.
Шаги в коридоре всегда важные
Настоящие, слова весомы.
Даже, когда весна вовсю,
Клен тянет лапы в лето
В отделении мало света,
окно нараспашку открыто ветром.
От ветра или против него.
Пациенты не спят.
не пришли в себя
Или ждут ответов.
В отделении для тяжелых
Нехватка цвета – бирюзовая полоса
Халата дежурного ангела
И зеленым фонают приборы.
В эту ночь случится гроза.
Собаки с утра поднимали носы,
смотрели на север.
Он тебя заслонит собой.
Он придет. Ты его звал и верил.